

Приложение Угадай автора

АХМАТОВА

Послушница обители Любви
Молитвенно перебирает четки.
Осенней ясностью в ней чувства четки.
Удел — до святости непоправим.

Он, Найденный, как сердцем ни зови,
Не будет с ней в своей гордыне кроткий
И гордый в кротости, уплывший в лодке
Рекой из собственной ее крови.

Уж вечер. Белая взлетает стая.
У белых стен скорбит она, простая.
Кровь капает, как розы, изо рта.

Уже осталось крови в ней немного,
Но ей не жаль ее во имя Бога;
Ведь розы крови — розы для креста...

БЕТХОВЕН

Невоплощаемую воплотив
В серебряно-луныщихся сонатах,
Ты, одинокий, в непомерных тратах
Души, предвечный отыскал мотив.

И потому всегда ты будешь жив,
Окаменев в вспененностях девятых,
Как памятник воистину крылатых,
Чей дух — неумыслимый порыв.

Создатель Эгмонта и Лсоноры,
Теперь тебя, свои покинув норы,
Готова славить даже Суэта,

На светоч твой вперив слепые очи,
С тобой весь мир. В ответ па эту почесть —
Твоя презрительная глухота.

ЖЮЛЬ ВЕРН

Он предсказал подводные суда
И корабли, плывущие в эфире.
Он фантастичней всех фантастов в мире
И потому — вне нашего суда.

У грез беспроволочны провода,
Здесь интуиция доступна лире,
И это так, как дважды два —четыре,
Как всех стихий прекраснее — вода.

Цветок, пронизанный сияньем светов,
Для юношества он и для поэтов,
Крылатых друг и ползающих враг.

Он выше ваших дрызг, вражды и партий.
Его мечты на всей всемирной карте
Оставили свой животворный знак.

ЕСЕНИН *(в сокращении)*

Он в жизнь вбегал рязанским простаком,
Голубоглазым, кудреватым, русым,
С задорным носом и веселым вкусом,
К усладам жизни солнышком влеком.

Но вскоре бунт швырнул свой грязный ком
В сиянье глаз. Отравленный укусом
Змей мятежа, злословил над Иисусом,
Сдружиться постарался с кабаком...

В кругу разбойников и проституток,
Томясь от богохульных прибауток,
Он понял, что кабак ему поган...

ГОРЬКИЙ

Талант смеялся... Бирюзовый штиль,
Сияющий прозрачностью зеркальной,
Сменялся в нем вспененностью сверкальной,
Морской травой и солью пахнул стиль.

Сласть слез соленых знала Изергиль,
И сладость волн соленых впитала Мальвой.
Под каждой кофточкой, под каждой тальмой —
Цветов сердец зиждательная пыль.

Всю жизнь ничьих сокровищ не наследник,
Живописал высокий исповедник
Души, смотря на мир не свысока.

Прислушайтесь: в Сорренто, как на Капри,
Еще хрустальные сочатся капли
Ключистого таланта босяка.

ДОСТОЕВСКИЙ

Его улыбка — где он взял ее? —
Согрела всех мучительно-влюбленных,
Униженных, больных и оскорбленных,
Кошмарное земное бытие.

Угармонированное свое
В падучей сердце — радость обреченных,
Истерзанных и духом иступленных —
В целебное он превратил питье.

Все мукой опрокинутые лица,
Все руки, принужденные сложиться
В крест на груди, все чтущие закон,

Единый для живущих — Состраданье,
Все, чрез кого познали оправданье,
И — человек почти обожествлен.

КИПЛИНГ

Звериное... Зуб острый. Быстрый взгляд.
Решительность. Отчаянность. Отвага.
Борьба за жизнь — девиз кровавый флага.
Ползут. Грызутся. Скачут. И палят.

Идиллии он вовсе не впадет:
Уж слишком в нем кричат инстинкты мага.
Пестрит пантера в зарослях оврага.
Ревет медведь, озлясь на водопад.

Рисует он художников ли, юнг ли,
Зовет с собой в пустыни или джунгли,
Везде и всюду — дым, биенье, бег.

Забыть ли нам (о нет, мы не забудем!),
Чем родственен звероподобным людям
Привывший душу зверя человек...

КОНАН ДОЙЛЬ

Кумир сопливого ученика,
Банкира, сыщика и хулигана,
Он чтим и на Камчатке, и в Лугано,
Плод с запахом навозным парника.

Помилуй Бог меня от дневника,
Где детективы в фабуле романа
О преступленьях повествуют рьяно,

В них видя нечто вроде пикника...

“Он учит хладнокровью, сметке, риску,
А потому хвала и слава сыску!” —
Воскликнул бы любитель кровопийц,

Меня всегда мутило от которых...
Не ужас ли, что землю кроет ворох
Убийственных романов про убийц?

МАЯКОВСКИЙ

Саженым — в нем посаженным — стихам
Сбыт находя в бродяжьем околотке,
Где делает бездарь из них колодки,
В господском смысле он, конечно, хам.

Поет он гимны всем семи грехам,
Непревзойденный в митинговой глотке.
Историков о нем тоскуют плетки
Пройтись по всем стихозопотрохам...

В иных условиях и сам, пожалуй,
Он стал иным, детина этот шальный,
Кошунник, шут и пресненский апаш:

В нем слишком много удали и мощи,
Какой полны издревле наши рощи,
Уж слишком он весь русский, слишком наш!

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Не жутко ли,— среди губернских дур
И дураков, туземцев Пошехонья,
Застывших в вечной стадии просонья,
Живуч неумертвимый помпадур?

Неблагозвучьем звучен трубадур,
Чей голос, сотрясая беззаконье,
Вещал в стране бесплодье похоронье,
Чей смысл тяжел, язвителен и хмур.

Гниет, смердит от движущихся трупов
Неразрушимый вечно город Глупов —
Прорусенный, повсюдный, озорной.

Иудушки из каждой лезут щели.
Страну одолевают. Одолели.
И нет надежд. И где удел иной?